

ТЕОКРАТИЯ ИЛИ ТЕОЛОГИЯ: ИЗРАИЛЬ ИЛИ РИМ

I

В настоящей статье особое место будет уделено вопросам логики, теологии, а также происходящим от них вопросам устройства цивилизации по Римскому образцу, как итога или плода цивилизации арийского типа. Для того, чтобы полнее раскрыть смысл предлагаемой статьи, необходимо процитировать толкование свт. Иоанна Златоуста на Второе послание к Фессалоникийцам. Апостол Павел пишет в этом Послании: *«Ибо тайна беззакония уже в действии, только [не совершится] до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь (2-е Фес. 2; 7).*

Свт. Иоанн Златоуст в своем толковании на это Послание разъясняет, что под Удерживающим Апостол Павел понимает Римское государство. Именно такой вывод можно сделать и нам, из приводимых ниже слов святого: *«Когда прекратится существование римского государства, тогда он (антихрист) придет. И справедливо, – потому что до тех пор, пока будут бояться этого государства, никто скоро не подчинится (антихристу); но после того, как оно будет разрушено, водворится безначалие, и он будет стремиться похитить всю – и человеческую и божескую – власть. Подобно тому как прежде того разрушены были царства, именно: мидийское – вавилонянами, вавилонское – персами, персидское – македонянами, македонское – римлянами, так и это последнее разрушено будет антихристом, а он сам будет побежден Христом и более уже не будет владычествовать».*

Несмотря на столь ясное указание святого, многие монархисты продолжают называть Удерживающим самого Царя, а не государство. Более того, считают, что идеал развития Римского государства заключен в утверждении не принципа «Симфонии властей», как то принято еще со времен Константина Великого, но в утверждении на основе царской власти принципов теократии. Современные монархисты, к великому сожалению, даже не задают себе вопросов о возможности соединения столь разнородных принципов в единое целое. Им кажется вполне естественным и логичным соединить практику богоправления (причем в одном единственном народе), с практикой многотысячелетнего развития цивилизаций, объединенных общим названием, как арийские цивилизации. Увы, это опасное заблуждение возникло не сегодня, но владеет умами просвещенных сословий в России уже более пятисот лет. К примеру, с просвещенными умами Западной Европы это случилось гораздо раньше, так как оные попали под теократическое обольщение еще двенадцать столетий назад. Если говорить о России, то это обольщение вошло в недра просвещенных сословий одновременно с принятием идеологии Третьего Рима. Именно тогда во властных и церковных кругах стала циркулировать и все более набирать силу побочная, долго находящаяся в тени идея, об онтологическом переходе Римского (или «симфонического») управления государством, в управление теократическое. С утверждением же этой чуждой для любой арийской, а значит и Римской цивилизации идеи, в России начались все смуты, потрясения, реформации, расколы и революции.

Враг рода человеческого знал что делал, потому что с усвоением в высших правящих и церковных кругах этой идеи, стало подспудно формироваться, с одной стороны – стремление к абсолютизму, а с другой – к папизму. То есть, в обоих случаях, по принципу полярности, началось формирование, причем, на почве одной и той же иосифлянской идеологии, стремление как к теократии царской, так и теократии священнической. При этом, говоря о теократии в новозаветные времена, мы ведем речь о лже-теократии, то есть, о теократии лукаво измышленной отпавшими от Истины иудеями. Потому что, именно этот измышленный аналог теократии они нам и преподносят. В связи с этим, термин – теократия, в нашей статье, надо понимать именно в таком плане. При этом, автор стоит на позициях, что после пришествия в мир воплотившегося Христа, истинная, данная ветхозаветному Израилю теократия, не только не может быть применена в новозаветных условиях, но более того, в случае ее применения, неизбежно нанесет вред как церковному, так и государственному строительству.

Примером такого вредоносного воздействия может послужить XVII век, когда в России, как в церковных, так государственных, а равно (после церковной реформы) в старообрядческих кругах, шла борьба за обладание первенством в деле утверждения именно теократической идеологии. Отсюда неудивительно, что по причине стремления насадить на российской почве чуждый для Римской цивилизации принцип, и произошли все смуты и потрясения, начавшиеся с рубежа XVI-XVII веков. Онтологическим следствием такового насаждения, за принятие в России ложной теократической идеи, со времени пришествия ко власти Императора Петра I, наступил период

наказания. Правление Петра, с его абсолютизмом, когда численность коренного населения уменьшилась на одну треть, с его разгулом иноземства, с онтологическим презрением ко всему русскому, показало пагубность теократической идеологии в самом ее корне.

Как уже было сказано, идея теократии появилась в России одновременно с возвышением законнического ордена иосифлян. Многие исследователи называют иосифлян, по причине примата законничества в их учении, а также приближенности к государственной власти, духовно родственными к таким католическим орденам, как доминиканцы, бенедиктинцы и цистерциане. Именно с иосифлянами, а вовсе не с идеологией Третьего Рима, о чем постараемся сказать далее, в Россию и вошла идея теократии.

Сами же корни теократической идеологии исходят вовсе не из недр славянства, но противного ему иудаизма, который (как религия) был утвержден Богом с одной целью – ради создания условий для пришествия в мир Спасителя. Уже по этой причине, теократическая идея в новозаветные времена может рассматриваться как отработавшая свое, более того, как чуждая, если даже не губительная, в деле государственного и церковного строительства. Ко всему, надо помнить, что теократия (т.е. – боговластие) в Израиле существовало в чистом виде четыреста лет, в период предшествующий установлению в среде последователей иудаизма монархической государственности. Боговластие утвердилось в чистом виде в Израиле после принятия Синайского кодекса, и существовало до тех пор, пока народ исполнял Моисеев Закон под водительством судий и пророков. После того, как такое водительство прекратилось, и каждый последователь Закона Моисея начал жить по «воле сердца своего», Господь, по требованию самого народа, через пророка Самуила дал Израилю царя.

При этом, должно сразу отметить, что монархическая форма правления отнюдь не являлась панацеей для самого Израиля, но была утверждена с одной целью, дабы посредством царской власти понудить народ к исполнению Божьего Закона. Царская власть здесь существовала как плетка, как бич, дабы воспрепятствовать развитию в народе «тайны беззакония». Подобная жесткость царского правления соответствовала самой особенности иудейского Закона, которая заключалась в строгом детерминизме. Детерминизм иудаизма нужен был единственно для того, чтобы выдержать жесткие условия, необходимые для прихода Спасителя. Для создания же законнических условий более всего подходил именно этот «жестоковыйный» народ. И хотя с установлением царской власти в Израиле закончилась эпоха теократии, но при этом, началась эпоха монархического (или силового) принуждения народа к исполнению Моисеева Закона.

С приходом же Христа Спасителя, когда исполнились ветхозаветные обетования, началась совсем иная эпоха. Идеалы новозаветной эпохи превзошли здесь идеалы даже лучших периодов теократии. С наступлением евангельской эры, началась эпоха усыновления падшего человечества, ибо Христос сказал прямо Своим ученикам: *«Я уже не называю вас рабами... Я назвал вас друзьями»* (Ин. 15; 15). Христос Своим приходом отменил рабство Закона, чтобы утвердить навсегда сыновство Благой Вести. Поэтому, неизбежно, что всякий принявший от сердца Благою Весть, переставал быть рабом, но становился другом. В самом начале Своей проповеди Господь сказал в Нагорной Проповеди: *«если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царствие Небесное»* (Мф. 5; 20). Последователям Христа требовалось ни много ни мало, как превзойти эту теократическую праведность. Именно с этой целью Отец Небесный усыновил через Сына Человеческого всех верующих в Него людей. Онтологически, с пришествием Спасителя закончилась эпоха теократии и началась эпоха теологии.

Но, было бы верхом беспечности считать, что теократическая идея без боя сдаст свои позиции. Во все периоды христианства она настойчиво всплывала и стремилась овладеть умами. При этом, характерно, если рассмотреть всю историю христианства, открывается наглядный факт, что идеи теократии всякий раз были связаны с какой-либо ересью. Причем, независимо от разновидности этих ересей, будь то арианство, или монофизитство, или затем монофелитство, иконоборчество, и так далее, до латинской ереси. Уже только одно это дает понимание, что идея теократии в новозаветные времена является не только чуждой, инородной, но напрямую принесенной из враждебных Православию кругов. Отсюда, в Западной Церкви, после католического раскола, и не могло совершиться иного исхода, кроме как утверждения абсолютизма папской власти. Равным образом, и в странах принявших протестантизм, та же абсолютистская идея не могла не перейти из сферы клерикально-церковной (айсберг перевернулся) в сферу государственную.

Аналогичным образом, ибо нет ничего нового под луной, абсолютистская (теократическая в основании) идея пришла в Россию вместе с политическим возвышением ордена иосифлян. Несмотря на неоценимую помощь этого ордена в деле разгрома ереси жидовствующих, вместе с иосифлянами (идеологию которых можно сравнить с евангельской «солью») пришел дух инквизиции, пришла чуждая для России идея теократии. Благодаря именно иосифлянам, теократическая идея стала овладевать сознанием, как духовных лиц, так и представителей правящей элиты. После недолгой передышки, в годы ли правления Царя Феодора Иоанновича, или Царя Михаила Феодоровича Романова, теократическая идеология вновь стала помрачать умы правящей сословий, что привело в годы церковных реформ к созданию предпосылок как абсолютизма в монархической среде, так и папизма в среде церковной. Сам же фундамент абсолютизма был создан на «Уложенном Соборе» 1649 года, а папистская парадигма – «Россия – Новый Израиль», утвердилась деяниями Патриарха Никона. Отсюда, не приходится удивляться, что весь этот начатый на волне реформ раздрай привел к церковному расколу. Раздрай же совершился со всей неизбежностью, потому что здесь не только новообрядцы (государственные и церковные власти), но и старообрядцы были до мозга костей повреждены иосифлянским духом.

При этом, нельзя говорить об иосифлянах только в отрицательном смысле, ибо, как было сказано выше, иосифляне, или как их называли впоследствии – «стяжатели», это – «соль земли». В жизни все должно «осоляться», но беда иосифлян состояла в том, что они никак не являлись «светом миру». Напротив, последователи Нила Сорского, своим учением вносили в жизнь тот «тихий свет», которого так недоставало последователям Иосифа Волоцкого. Но, и подобное разделение не являлось бы бедой, если бы в центре ее существовала координирующая сила, эти крайности примиряющая. Но, таковую силу, данную нам в лице прп. Сергия Радонежского и его последователей, Россия, к концу XV века уже утратила. Отсюда, не разделение на иосифлян и ниловцев являлось для России бедой, но бедой являлась утрата коренной, характерной именно для нее силы. Россия утратила тот, данный ей свыше путь духовного развития, который был указан ей в жизни и подвиге прп. Сергия Радонежского. Направление прп. Сергия являлось для России корневым и главенствующим, ибо, только имея в центре это – корневое, и можно было избежать опасных перекосов при формировании идеологии Третьего Рима. Но, поскольку, разделение на два разных крыла – «соль и свет» в России произошло, то, для Московского Царства, по слову Спасителя: *«всякое царство, разделившееся само в себе опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит»* (Мф. 12; 25), наступило время смут, расколов и потрясений. Поэтому, если говорить о державном строительстве XVI века, ошибка Иоанна Грозного состояла в том, что он пытался создать новую элиту (опричнину), используя как раз иосифлянскую закваску, а не квасцы прп. Сергия. Причина неудачи Царя Иоанна с опричниной состоит именно в этой ошибке.

К сожалению, поляризация часто вторгается в нашу действительность. Это можно видеть на примере жизни как одного человека, так народа, царства, и даже целой цивилизации. В соответствие с этим принципом, Ветхий Завет является «солью», а Евангелие – «светом». По аналогии, Царство здесь также будет «солью», а Церковь «светом». В семье, муж подобен «соли», жена – «свету». Применительно же к теме нашей статьи, теократия подобна «соли», теология – «свету». Хотя в реальности должно происходить органическое соединение этих свойств, как то и указано жизнью и подвигом прп. Сергия. Для нормальной жизни, в обществе все должно «осоляться», и все должно «освещаться». Ибо, только в этом случае – в Царстве, Церкви и обществе будут сохраняться необходимые для их жизнедеятельности баланс и равновесие. В этом, кстати, и состоит главная суть цивилизации Римской, цивилизации арийского типа.

Однбокость же учения иосифлян состоит в том, что насаждение принципа «соли» привело к умалению принципа «света». Повсеместное оскудение «света», начиная с конца XV столетия, есть следствие доминирования учения иосифлян в деле церковного и государственного строительства. Поэтому, происшедшие – в начале XVII века Смуты, а полувеком позже церковный раскол, были онтологически этим оскудением подготовлены. На почве того же оскудения совершились и Петровские реформы, и (через двести лет) обе революции 1917 года. Революции семнадцатого года были буквально запрограммированы семнадцатым веком. Потому что, если исследовать методы правления не только Петра I, но и Царя Алексея Михайловича, становится ясным со всей очевидностью, что в абсолютизме, который установочно оформился на «Уложенном Соборе» 1649 года, во всей полноте воплотилась именно теократическая идеология. Та идеология, которая была опробована в Англии, в годы правления короля Генриха VIII, и после обкатки ее по Европе перешла к нам.

По сути, Петровский абсолютизм является теократией наоборот. И, несмотря на чуждость русской действительности такового абсолютизма, несмотря на революционность его, революция эта была подготовлена гораздо ранее. Апостасийное движение к этой революции началось даже не в XVII веке. И начавшись, носило даже не двоякий, но тройкий характер. Первый шаг к отступлению состоял в утрате коренного, утвержденного жизнью и подвигом прп. Сергия Радонежского направления. Вторым шагом было принятие, как главенствующего, учения иосифлян, с их ветхозаветным принципом законничества. Третий шаг состоял даже не в развитии тайного антисистемного учения ереси жидовствующих. Это учение было глубоко чуждым нам, и укореняться оно стало в правящих сословиях по одной причине – правящая элита переродилась к XVI столетию в кланово-землевладельческую (или – княже-боярскую) олигархию. Олигархия, по своей сути, как писали в отношении этого явления Лев Гумилев и В.Л. Махнач, всегда антисистемна. Именно поэтому (потому что здоровый организм общества порче не подвержен) на почве княже-боярской олигархии и смогла укорениться антисистема ереси жидовствующих. Развитие антисистемы в обществе, есть ни что иное, как звонок Свыше. Ибо, через то Господь указывает на серьезное духовное неблагополучие в таком обществе. Дом стал «разделяться сам в себе». Необходимо было принимать кардинальные меры. Либо, эволюционные – с целью реставрации и утверждения на новой основе опыта прп. Сергия. Либо, силовые, поддержанные государственной властью, с направленностью к теократии, в духе учения иосифлян. А поскольку, теократическая идея в России, благодаря иосифлянам была уже принята, то и не потребовалось особого труда, чтобы внедрить эту идеологию в жизнь. До реформ Петра I, а особенно до революции 1917 года было очень далеко, но, и реформы и революция случилась как раз вследствие принятия чуждой, исходящей из теократического принципа идеи, суть которой – построение царства небесного на земле. Если говорить о новом времени, то, та же самая идея действует ныне и в России и на Западе, но в либеральном варианте. Поэтому, надо быть полными безумцами, чтобы сейчас, в апокалиптическое время, снова наступать на те же грабли. Но, именно такие грабли нам готовят нынешние абсолютисты, обещая Царство Небесное, немедленно и сейчас, под скипетром Грядущего Самодержца.

Об антисистемности в вопросах духовной жизни, как действию духа антихриста в последние времена, много говорил в своих трудах подвижник благочестия наших дней, архиепископ Сиракузский Аверкий (Таушев). Одним из аспектов такого антихристового действия, Владыка называл партийную политику в Церкви. В статье «Святая ревность» он писал следующее: «Но есть также и фальшивая, лживая ревность, под маской которой скрываются кипящие человеческие страсти – чаще всего гордость, любовь к власти и к почестям и интересы партийной политики подобные тем, которые играют ведущую роль в политической борьбе и которой не может быть места в духовной жизни, в общественной жизни Церкви, но которые, к несчастью, можно встретить в наше время и которые являются главными возбудителями всевозможных ссор и нестроений в Церкви. Сами те, кто их разжигает и руководит «политикой», часто притворяются борцами «за идею», но в действительности стремятся добиться лишь своих личных целей, стремятся угодить не Богу, но своему самодовольству и ревнуют не о славе Божией, но о своей славе и славе своих сподвижников и членов своей партии».

В другом месте Владыка пишет: «Церковь дана нам для спасения наших душ и ни для чего больше! Мы не можем делать ее своим орудием или превращать ее в арену для разгула своих страстей ради достижения личных наших целей». Ибо: «Только святая ревность по Боге, о Христе, без всякой примеси хитрой и двусмысленно коварной политики, должна руководить нами во всех наших делах и поступках».

Слово архиепископа Аверкия дает здесь полное объяснение процессам разрушения, начиная с рубежа XV-XVI веков, как российской государственности, так и Православной Церкви. Ибо, тот *дух партийности*, вошедший к нам вместе с иосифлянами, это стремление к теократии, будучи вначале латентно скрытым, впоследствии обнаружилось вполне, и именно оно (стремление) привело затем к церковному расколу, смутам и потрясениям на Святой Руси.

Партийность, или клановость, подспудно жила на Руси еще в домонгольский период. Именно она привела к раздробленности государства, пока Господь не замирил процессы центробежности внешним поработанием. После освобождения от ига, партийные (т.е. – антигосударственные) процессы вновь стали набирать силу, с чем и столкнулся еще дед Иоанна Грозного, Вел. князь Иоанн III. Поэтому, борьба Первого Русского Царя с антигосударственными течениями была оправданной и необходимой. Именно они, клановые или партийные (антихристовы – согласно

слову архиеп. Аверкия) движения и привели Россию к Смутному времени, поставив государство на край гибели.

После воцарения Династии Романовых дух партийности никуда не ушел, но, развитие этого духа, в деле воплощения его в реальность, началось с новой силой. И, как уже повелось от века, процесс раскручивания маховика центробежности вновь начался от княже-боярской олигархии, а во время церковных реформ перекинулся на Церковь. Партийный дух, заложенный в дело церковного строительства иосифлянами, долго тлел, а потому неизбежно вспыхнул, когда появилась соответствующая для возгорания среда. Земства сопротивлялись дольше всех, но и их закрутило в общий водоворот. А потому, неизбежно, и со всей онтологической необходимостью в России появился тиран. Он должен был появиться, ибо всякая смута для того и создается, чтобы ее замирить с помощью тирании. Таким образом, видим, что партийность всегда кончается смутой, и если в народе не происходит покаяния, то выход из хаоса всегда бывает один – тирания, или абсолютная монархия, которая по своему типу во всем противоположна Римским принципам управления государством.

При этом, есть серьезные основания полагать, что раскручивание полярности «иосифляне – заволжцы» началось не само собой, но с подачи наших врагов. Именно они, в совершенстве владея механизмами создания интриг, расколов и смут, и развили это, совершенно ненужное для России противостояние. Процесс политизации обоих духовных направлений (при жизни преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского потенциальный, но не явный) четко обозначился впоследствии, благодаря действиям Вассиана Патрикеева. Именно деяния сего князя-инока в серьезной степени политизировали движение «заволжцев», скомпрометировали его, и после того, как это движение, под конец царствования Василия III, противопоставило себя властям, оно было со всей неизбежностью разгромлено. Разгром «нестяжателей» осуществлялся, кстати, при деятельной поддержке иосифлян. Таким образом, в России, по причине искусственно созданной поляризации, произошло первое церковное партийное разделение. Церковь оставалась единой, но *дух полярности* вошел в ее недра. С образованием же в России партийной полярности, по слову архиепископа Аверкия (Таушева) – в Россию и вошел со всей неизбежностью дух антихриста. В борьбе с заволжцами иосифляне незаметно для себя превратились в партию, или в своего рода духовный орден.

Таким же партией-орденом стала и опричнина, созданная Царем Иоанном IV. Причем, создавая ее, Царь имел совсем другие цели и задачи. А именно, он хотел создать новое сословие, или новую аристократию. Вместо же аристократии получился орден. Получилась партия. Или, иначе, новая каста, для которой, кроме власти Монарха «ниже канон, ниже закон» был не властен. Именно эту опасность – быстрое перерождение опричнины в касту, и увидел Царь Иоанн, а потому (после покаянного письма в 1572 году) без всякого сожаления опричнину распустил. Царь хотел сформировать элиту, а получилась каста. Хотел создать новую аристократию, получалась партия-орден. Но, всякая партия или орден, по слову архиепископа Аверкия (Таушева), уже несет в себе дух антихриста, несет в себе дух разделения. А раз так, то, зачем тогда опричнина?.. И потому, Царь ее распустил. Без всякого сожаления распустил, и даже слово «опричнина» запретил для упоминания.

Возвращаясь к тематике настоящей работы, должно отметить, что принцип партийности, это и есть основополагающий принцип Карфагена, который, по форме своего существования во всем противоположен как Римским, так и Православным принципам соборности, державности, общинности и народоправства.

Ахиллесовой пятой деспотического типа государственности, является способность перерождения ее, как и указывал Л.А. Тихомиров, от степени неограниченной монархии к степени конституционного правления. Главной причиной такого перерождения, а также причиной восхищения правящими сословиями властных (т.е. – царских) полномочий, является отсутствие соборности, а значит и отсутствие контроля со стороны народных избранных над назначаемыми верховной властью правителями.

Данное положение в одинаковой степени касается и дальневосточных деспотий, и деспотий мусульманских стран, и партийных олигархий Карфагена, Тира и Сидона, а равно, в одинаковой степени европейского абсолютизма. Во всех случаях, происходит либо переподчинение властного принципа в среде избранных, а также назначенных правителей, либо происходит либерализация абсолютизма, с полной его заменой правлением конституционным. Так было в Китае, особенно в период правителей-евнухов. Так было в Японии, когда назначаемые (либо выдвигаемые правящими кланами) сёгуны, по сути подменяли собой власть микадо (императора). Так было в

Хазарском каганате, когда беги восхитили власть каганов, сделав их чисто декоративными властителями. Так было и в последние триста лет существования Османской империи. Здесь, великий визирь стал своего рода турецким бегом и турецким сёгуном.

Абсолютизм же европейских королей и вовсе переродился в конституционные (т.е. – парламентские) республики, по тому образу и подобию, как это было в Карфагене. Должно отметить, что в парламентских республиках олигархии оттого начинают активно развиваться, потому что сам принцип партийного парламентаризма пришел к нам из Карфагена. Главная же причина всех этих перерождений заключена в отсутствии принципа соборности, в отсутствии Римских принципов управления.

II

Многие монархисты, говоря о заслугах Царя Иоанна Грозного, ставят ему главной заслугой борьбу с ересью жидовствующих, хотя главной заслугой являлось как раз не это. По поводу подобного взгляда можно привести остроумное высказывание Л.А. Тихомирова в письме к Ф.Д. Самарину, от 9 августа 1911 года: «Наше положение, вероятно, не хуже прежнего, но крайне малое понимание православия и монархизма в среде так называемых “правых” проявилось гораздо ярче, чем прежде. К сожалению, у нас гораздо больше антисемитов, чем православных, и гораздо больше абсолютистов, чем монархистов». Борьба же Царской власти в России с жидовствующими не являлась самоцелью, хотя и имела глубинно филогенетический характер. Филогенез же состоял в том, что Россия являлась государством, изначально построенным на арийских, или теологических основаниях. Корни же ереси жидовствующих находились, с одной стороны, в талмудическом учении Израиля, а с другой, в сатанинском учении хананейских Тира и Сидона. В лице этой ереси воплотились те самые мистические Израиль и Карфаген, которые, в новозаветное время сокрушили последовательно две Римских державы. Отсюда, противостояние Рима Русского с мистическими Карфагеном и Израилем, носила провиденциальный характер. Вспомним, что в преддверии христианской эпохи, именно Рим явился причиной разрушения Карфагена, как то было в Пунических войнах, и причиной разрушения Израиля, как то случилось при нашествии Тита Веспасиана в 70 году.

В лице Карфагена был разрушен тот богопротивный порядок, который устанавливал политическую власть мамоны, подкупов, интриг, всех методов правителей «мира сего», которых Иван Ильин именовал тайной закулисой. Еще раньше этот порядок был разрушен в оккупированном финикийцами кносском Крите (вспомним легенду о Минотавре), а затем, войсками Александра Македонского, в Тире и Сидоне. В том же Карфагене, в котором правили не избранники народа, но финансовые магнаты, совершалось поклонение демонам преисподней и практиковались человеческие жертвоприношения. Во всех сферах жизни, как в Карфагене, так и в породивших его Тире и Сидоне, духовность, общество и государство были подчинены сатане. А потому, провиденциально и со всей неизбежностью, благодаря проповеди римского сенатора Марка Порция Катона – «Карфаген был разрушен».

Несколько иначе дело обстояло с Древней Иудеей, наследницей ветхозаветного Израиля. В Израиле, внешне совершалось поклонение Истинному Богу, но на деле, когда воплотивший Бог в Израиль пришел, то, не только остался не принятым, но и был казнен со всей жестокостью, как разбойник на Кресте. По сути, являясь противоположностью Карфагену, Израиль мистически был с ним связан. Связь же состояла в том, что именно в Израиле родилась идея царебожия и идея лже-теократии. Мессия, по мнению сторонников иудаизма, должен был являться одновременно духовным и светским правителем. Должно отметить, что эта идея родилась вовсе не в период истинной теократии, когда народом, через пророков и судей правил Сам Бог, но родилась она после завоевания Иудеи греками, а затем римлянами. Идея царебожнической теократии родилась в Израиле, как плод мечтательной ностальгии по утраченному боговластию. И когда царебожническая идеология (как злой плод) привела к народному восстанию (66-70 гг. от Р.Х.), Иерусалим был разрушен Римом, также, как прежде им был разрушен Карфаген. Римское государство, и есть то средство, которое только и может поразить, как врага тайного – кносского Минотавра, так и Карфаген – врага явного. Потому что, и Кнос и Карфаген, а следом – мистический Израиль, это и есть главные, непримиримые и заклятые враги Рима.

В обоих случаях, взять ли сатанократический Карфаген, либо теократический Израиль, в последние двести лет до прихода Спасителя, они являлись (одни прямо, другие прикровенно) носителями богопротивной идеологии. Более того, являются таковыми до сих пор. Отсюда неудивительно, что Карфаген и Израиль, перестав существовать политически, мистически свою

идеологию сохранили, а сохранив, продолжали вести борьбу с победившим их Римом. По сути, вся история христианства, это история борьбы мистических Карфагена и Израиля с реально существующим Римом. Поэтому, результатом таковой борьбы явилось троекратное падение Рима как Удерживающего, где Россия, несмотря на нанесенный ей в 1917 году катастрофический урон, все-равно продолжает роль Удерживающего исполнять. И если мы посмотрим на современные процессы глобализации, то увидим, что глобализация есть ни что иное, как соединившиеся воедино мистические Кносс, Карфаген и Израиль.

Здесь должно отметить, что если мистический Карфаген (который пользовался всегда отнюдь не мистическими средствами) направляет свои усилия на разложение и подмену Римских – духовности, государственности, культуры, общества и экономики, заменяя их своей – псевдодуховностью, псевдокультурой, массовым обществом, ростовщической экономикой и т.д., то мистический Израиль совершает в Римском государстве властную подмену, заменяя идеологию «Симфонии властей» (Самодержавия и соборности), идеей царебожия в государственном управлении, и идеей теократии в управлении духовном.

Вся система действующего ныне Карфагена, касается ли это духовности, со всеересью экуменизма, либо массовой культуры и массового общества, либо государства, которое в будущем должно прекратить свое существование, либо экономики, с ее безличным расчетом и кредитной системой, либо вооруженных сил, которые заменяются на частные военные компании (ЧВК), все это, в конечном итоге направлено на разрушение враждебной Карфагену Римской государственности. Делается это с той целью, чтобы на руинах Рима утвердить новое царство, которым будет править, по их расчетам, «тварный мессия», во всем противоположный (хотя и похожий внешне) тому Мессии, которого они распяли на Кресте. Окончательное же торжество Карфагена и Израиля состоится только после того, как состоится добровольное порабощение людей, посредством личных номеров, кодов, смарт-карт, микрочипов и начертаний на правую руку и чело.

Если говорить о первоисточках рассматриваемых нами ложных идеологий, то зародились они еще в хананейских Тире и Сидоне, финикийских полисах-государствах. Именно переселенцы из этих олигархических государств основали Карфаген, который стал серьезной военной и идеологической угрозой Риму. Именно переселенцы (строители Храма) из Тира внесли впоследствии идеологию царебожия в среду правящих сословий Иерусалима. Таким образом, благодаря Тиру началось антисистемное перерождение Израиля, превратившего его ко времени прихода Христа в цивилизацию антихриста. В этой связи, онтологически, и современные нам, выросшие из Тира – мистические Карфаген и Израиль, несут во всех своих проявлениях антихристианскую идеологию. Цивилизации современных Карфагена и Израиля, это антихристовы цивилизации.

Карфаген и Израиль, в данном контексте, являются классической антисистемой. Но, когда разговор идет об антисистеме, то обычно имеют в виду такие ее проявления, как то есть в сектах ессеев, а затем, далее родившихся от них гностиков, манихеев, ариан, савелиан, аполинариев и далее – павликиан, богумилов, а затем альбигойцев, катаров, вальденсов, тамплиеров и проч. и проч., вплоть до жидовствующих в России, и далее масонов, и других подручных дьявола. Речь здесь идет исключительно о мистическом, либо законнически-мистическом направлениях антисистемы. Если говорить об исламском Востоке, то ими являются секты низаритов и ассасинов, отпочковавшихся от исмаилитского направления шиитского ислама, и развившихся (XI – XIII века) в недрах Фатимидского халифата. То есть те, о ком вкуче сказал Господь: «Берегитесь закваски Иродовой» (Мк. 8;15).

Согласно учению этнолога Льва Гумилева, антисистема состоит главным образом из представителей иродианского направления. С этим можно полностью согласиться, если бы не одно – *но...* Ибо, Господь заповедал нам беречься не только закваски Иродовой, но, и «закваски фарисейской и саддукейской» (Мф. 16; 6). Следовательно, антисистема по природе тройка, и только одним иродианством не ограничивается. Причем, при всех типовых различиях, она может разделяться на законническую и рационально-моралистскую разновидности. Независимо, касается ли это мистического иродианства, законнического фарисейства, либо либерального саддукейства. Для удобства понимания проследим развитие этих антисистем, на примере России, от начала и до конца XVI века.

В годы царствования Великого Князя Иоанна III на Руси появилось такое религиозное течение, как ересь жидовствующих. В своей подоплеке оно являло аналог каббалистического иудаизма, и предназначалось для разрушения как Православной Церкви, так и Российской государственности.

В книгах митр. Иоанна (Снычева) подробно пишется об этом религиозном течении, а также о путях преодоления его. При этом указывается, что главную роль в победе над этим лжеучением сыграли прп. Иосиф Волоцкий, свт. Геннадий Новгородский и их последователи. Но, собственно, в этом нет ничего удивительного, так как (вспомним ветхозаветную историю) победа над ессеями-иродианами была одержана как раз благодаря ордену фарисеев. Ветхозаветная Церковь предала ессеев анафеме и изгнала их за пределы Иудеи. В результате чего ессеи основали свою «церковь» и поселились на берегу Мертвого моря в Кумранской долине. С тех пор антисистемой стали именовать только выходцев из Кумранской долины и их идейных последователей. Но, кто сказал, что антисистемой являются только кумранцы?.. Разве Христос не заповедовал в одинаковой степени беречься закваски фарисейской и саддукейской?.. Чтобы ответить на вопрос, постараемся проследить развитие этих заквасок на историческом поле России XVI столетия.

Если обратиться к методам борьбы с иродианской ересью на Западе, то увидим, что Ватикан, создав орден инквизиторов доминикан, ничего нового здесь не придумал. Этот орден был создан по образу и подобию движения фарисеев в Израиле. После победы над катарями-альбигойцами, инквизиторская политика по отношению к инакомыслящим в Европе, стала доминирующей на несколько веков. Та же самая политика, начиная с XVI века, перешла потом и в протестантские страны. Должно сказать, что фарисеи (что означает – благочестивые) проявляли себя поначалу как – система, которая, в борьбе с антисистемой действовала подчас ее же средствами. Вспомним указание папского легата Арнольда Амальрика рыцарям в отношении альбигойцев: «Убивайте всех, Господь узнает своих». Тогда, при штурме города Безье было уничтожено двадцать тысяч человек, независимо от пола и возраста. Для борьбы с антисистемой здесь наглядно были использованы средства самой антисистемы. С эпохой Возрождения на Западе началось действие уже другой закваски – саддукейской.

Аналогичным образом дело происходило и у нас в России. По мнению автора, беда состояла не в том, что ересь жидовствующих истреблялась силовыми методами (это в ряде случаев бывает необходимо), но в том, что движение иосифлян было признано доминантным, главенствующим, в деле церковного и государственного строительства. Потому что, в результате почти вековой хирургической чистки общества, силы общества в серьезной степени истощились. Это может быть подобно тому, как онкологического больного без конца режут скальпелем, а потом отправляют на химиотерапию. После четвертой химиотерапии его можно больше не резать. Больной умрет сам. И если иродиане-жидовствующие здесь подобны раковой опухоли, то иосифляне-фарисеи подобны тем самым скальпелю и химиотерапии. Поэтому, если довести идеологию иосифлян до логического конца, то итог этой идеологии будет прямо противоположным ее замыслу. Итогом будут, ни много ни мало, либо папистская теократия, как в Ватикане, либо монархический абсолютизм, как в Великобритании. В обоих случаях являясь антисистемным перерождением Божьего замысла о Церкви и Монархии на земле. Вместе с иосифлянами в Россию пришел тот «Великий инквизитор», о котором писал впоследствии Ф.М. Достоевский.

Если говорить о закваске саддукейской, то во всей полноте она реализовалась у нас во времена Смутного времени. Двадцатилетие, связанное со временем правления Бориса Годунова (сначала как премьер-министра, а потом как Царя), можно назвать саддукейским периодом подготовки к этой смуте. И если иродианство здесь сравнимо с раковой опухолью, а фарисейство эту опухоль скальпелем вырезающую, то саддукейство является аналогом перерождения мышечной ткани в ткань жировую. И точно также как пораженный метастазами организм будет неспособен выполнять возложенную на него задачу (ибо он болен), так и переродившиеся в жир мышцы приведут к полной атрофии двигательного аппарата.

Характер же проявления антисистемы, у каждого из трех видов свой. Если иродианство (даже в законнических модификациях) имеет в подоплеке оккультную начинку, а фарисейство проявляется в виде крайних – национализма и религиозного фанатизма, то саддукейство склоняется всегда в либерализм и космополитизм. Причем, либерализм здесь может быть двояким. Если он имеет законническую подоплеку, то проявляется в виде филокатоличества (в XVIII веке, у митр. Стефана Яворского), а если экуменическую, то в виде филопротестантства (тогда же – у митр. Феофана Прокоповича). Поэтому, со времени принятия идеологии иосифлян, в качестве доминантной, мы обрекли себя на развертку уходящих в дурную бесконечность полярностей: фарисейство – иродианство, и фарисейство – саддукейство.

Беда же России состояла в том, что после создания противостояния (во многом искусственного) между «стяжателями» и «нестяжателями», была создана благоприятная ситуация для полного истребления движения заволжцев. Потому что, вовсе не так уж они были виноваты, ибо не все

«нестяжатели» прятали у себя «жидовствующим» (в пику иосифлянам), и вовсе не все они политизировались, подобно Вассиану Патрикееву. Но, большинство из них являлись продолжателями филадельфийской традиции прп. Нила Сорского. Филадельфийцев же, с начала XVI века стали выметать с таким усердием, что возродиться они смогли лишь к началу XIX столетия. Полный же разгром Ангела Филадельфии произошел при Петре I, а затем, по добывающей, при Анне Иоанновне и в первое пятнадцатилетие царствования Екатерины II.

Ошибочный выбор, в деле духовного наполнения идеологии Третьего Рима, провел Россию через три столетия смут, потрясений, реформаций, все дальше уводя ее от выполнения Божьего задания по строительству Римской цивилизации. Но, все таки, каким то неизреченным Божиим Промыслом, Россия (как Удерживающий), получив в XVI веке «учиненный образец», стала не смотря ни на что возрождаться. Возрождение же это произошло (как всегда бывает в России), не столько по причине дел человеческих, сколько по молитвам гонимых официальными властями старцев.

Учение Русских исихастов, в лице преподобных Паисия Величковского, Серафима Саровского, Оптинских старцев, святителей Игнатия Кавказского и Феофана Затворника, и многих других, возродилось не благодаря, а вопреки политической ситуации. Все перечисленные отцы, как бы прорастая молитвенно сквозь брусчатку официальной церковности, продолжили традиции не Иосифа Волоцкого и Геннадия Новгородского, но свт. Григория Паламы и прп. Сергия Радонежского. Все они, дали России и Русской Церкви то духовное наполнение, которое (воспользуйся мы им) позволило бы возродить и душу народа, и утвердить Царство на новых основаниях. Именно это наполнение позволило бы стать Царству в полной степени Удерживающим от зла. К сожалению, сто лет назад мы прошли мимо предоставленной нам возможности. Но, может быть, мы захотим воспользоваться ею сейчас.

В отношении России, если отойти на время от первопричин, породивших в ней вышеуказанные антисистемы, периодом силового внедрения карфагенских и израильских принципов явилось время правления Петра Великого. Петровское государство, которое Л.А. Тихомиров, в книге «Монархическая государственность», именовал монархическим только по названию, породило не только теократию наоборот (о чем говорилось выше), но породило и тот будущий олигархический Карфаген, приведший к февралю 1917 года. Лев Тихомиров писал об этом в указанном выше труде: «Правящий слой России слишком долго отвыкал думать по-русски, чтобы понять, что абсолютизм и самодержавие – полярные принципы. Его хватило лишь на бездарные уступки конституционализму». В другом месте, в Первом разделе указанной книги, Л.А. Тихомиров, выступая против абсолютизма, пишет: «На чем останавливается эта творческая идея в качестве принципа, способного стать высшим, верховным? Как выражается К.П. Победоносцев... субъективное стремление найти, «кого слушаться, кем руководствоваться», «огустевая и сосредоточиваясь, ищет властного непререкаемого воздействия... в котором находила бы, среди всяких извращений своеволия, мерило правды. Итак, *на правде* основана по идее своей всякая власть». И далее, философ развивает свою мысль: «Человек несомненно ищет именно правды. Как бы он ни был груб и неразвит нравственно. В нем есть неистребимое сознание, как бы воспоминание своего происхождения от некоторой высшей правды, от которой он отдален чем-то, но к которой стремится возвратиться, ибо только в подчинении ей, своему нравственному источнику, он чувствует себя самим собой, существом свободным... Человек ищет правды и ищет именно для того, чтобы ей подчиниться».

Эти высказывания великого философа дают четкое понимание, почему даже необразованный человек принимает самодержавную монархию как свою, и бежит как от чумы от конституции и абсолютизма. Бежит, потому что не чувствует в них *правды*. Простым и доступным языком Тихомиров показывает, каким образом в недрах лишенного правды абсолютистского государства зарождается еще в большей степени ложная конституция. Та конституция, которая является на внешний взгляд онтологической противоположностью самому абсолютизму. Но подобное перерождение происходит со всей неизбежностью, потому что и абсолютистское государство и конституционное, с самого начала являются непримиримыми антагонистами государству Римскому, о чем Лев Тихомиров и пишет в книге «Монархическая государственность». А поскольку, по слову свт. Иоанна Златоуста, только Римское государство создает препятствия к развитию олигархии и антисистемы, то нет ничего удивительного, что во всяком другом типе государства, олигархия удобно развивается и созревает. Отсюда, победа всевозможных революций и установление конституционных республик, есть логический итог всякой неримской

государственности. В свою очередь, конституционализм, какой бы вид и форму он ни принимал, по слову Льва Тихомирова, есть удобная среда для развития различных видов олигархии.

Таким образом, согласно Л.А. Тихомирову, конституционализм нынешних Романовых-«кирилловичей» есть прямое и неизбежное следствие абсолютизма Петра Великого. Где, идея конституционной монархии, едва не реализовавшаяся в бытность Царя Александра II, а также в феврале 1917 года, и далее реализовавшаяся в большевистской республике, и уж тем более в нынешней либеральной республике, есть звенья одной цепи, в деле отхождения от принципов Православной Римской автократии. Более того, отхождения от принципов государства арийского типа. Того государства, над утверждением которого, не жалея сил трудился Царь Иоанн Грозный.

Отталкиваясь от слов Льва Тихомирова, который писал, что «правлящий слой России слишком долго отвыкал думать по-русски», приходим к выводу, что первой предпосылкой в деле развития антимонархических сил в России явилось создание новой, воспитанной на западных идеалах элиты, которая была во всем чуждой тем народам, которым ей приходилось управлять. Петром Великим, в этой связи был применен принцип химеры, еще за тысячу лет до него обкатанный в хазарском каганате. Отсюда неудивительно, что в недрах этой новой знати, как на заранее подготовленной почве, проросли учения социалистов, утопистов, народников, и напрямую масонство и радикальные революционные течения. Собственно, масонство в дворянских сословиях и являлось той средой, в недрах которой вызрела вся олигархическая элита февраля 1917 года.

Второй предпосылкой развития революции, в результате создания «Табели о рангах», было появление чиновничьей аристократии, или – бюрократов-столоничальников, которая цепко держала в своих руках все сферы управления в Российской Державе. По большому счету, бюрократия являлась надсословным (или – внесословным) образованием, что и позволяло ей этими сословиями управлять. Развитие номенклатурности (т.е. – бюрократической олигархии) в чиновничьей среде здесь было напрямую обусловлено ее финансовой и иерархической зависимостью от государства. Ибо, чиновник, который не имеет никаких доходов кроме жалованья, во-первых, склонен к коррупции, а во-вторых, склонен вступать в тайные общества, благодаря которым он надеется получить повышение по службе, а значит, и прибавку к означенному жалованью.

Таким образом, благодаря «Духовному регламенту» и «Табели о рангах», перерождению подверглись не только дворяне и чиновничество, но более того – высшее духовенство и сам правящий Дом Романовых. К семнадцатому году, тайный мистический Карфаген сформировался уже на всех уровнях, поэтому, онтологически, в результате февральского переворота, из недр Российской империи вышла химера конституционализма, как выходит насекомое «наездник» из тела гусеницы, внутри которой он паразитарно развивался.

После семнадцатого года карфагенские принципы стали насаждаться во всех сферах общества и во всех их видах. Александр Солженицын справедливо сравнивал февраль 17-го, со временем 90-х годов. В обоих случаях, здесь пропагандировались не только идеалы Карфагена, но, также идеалы Содома и Гоморры. Либералы никогда не воюют с Церковью напрямую, но, для того, чтобы разрушить христианскую веру изнутри, они насаждают ценности Содома и Гоморры. Ибо Содом, также, как хананейский Тир и родившийся от него Карфаген, являются цивилизациями олигархическими. Уже только поэтому Содом является родственным, по отношению как к Тиру, так и Карфагену. Родственность их состоит не только в том, что они созданы хананейскими народами и управляются олигархическими кланами, но, в первую очередь, в антисистемности указанных видов цивилизаций. Карфаген же, который есть собирательная квинтэссенция Тира и Содома, это, напрямую – антисистема. Рождение такой антисистемы совершилось не из пустого места, так как задолго до Содома и Тира, на земле существовали его аналоги. Допотопный мир, ко времени жизни Ноя, весь в такую антисистему превратился. Другими словами, и Карфаген, и Содом, и Тир, являются прямыми наследниками цивилизации допотопного, а именно – каинова типа.

Но, не смотря на столь пессимистическую картину мира, положение дел не является безнадежным. Потому что, в противность Карфагену и Израилю, исламский мир и Индокитай не являются для нас духовными и культурологическими противниками. Они для Римского мира могут быть только противниками политическими или военными. На это указывает весь опыт мировой истории. Ибо, если мы вспомним историю Османского ига на Балканах, то увидим, что это иго не повредила национальному и религиозному сознанию поработенных народов. Тоже

можно сказать и о татаро-монгольском иге в России. И Османская Турция, и Золотая Орда, как ни странно, сохранили национальный дух и Православную религию в тех государствах, которые они попушением Божиим завоевали. Более того, благодаря «железному занавесу», созданному внешней оккупацией, в этих народах, как в доменной печи выплавились и единая национальная идея, и церковная соборность, и Римская идеология. Оккупация мистическим Карфагеном славянских стран не позволила бы этому великому делу совершиться, потому что деятельность его всегда была направлена, о чем сказано выше – на разрушение национального духа, Православной религии и Самодержавной государственности. Отсюда, должно сделать вывод, что и для мусульманского мира, и для Индокитая, мистические Карфаген и Израиль являются такими же врагами, как и для Православной России.

III

В настоящей подглавке хотелось бы сделать отступление, в вопросах классификации типов цивилизаций, с тем, чтобы подробнее рассмотреть тему Покаяния, как главенствующую, в деле решения накопившихся за многие столетия проблем. Раскрытие покаянной тематики требует от нас, с одной стороны, прекратить заклинательную практику об исключительно славной истории России, а с другой, прекратить такие же заклинания о России, как якобы отсталой, дикой и варварской стране. Чтобы разобраться во многовековых проблемах, нам нужно честно сказать, что у нас было добрым, а что ошибочным. Нам необходимо честно и непредвзято осмыслить причину наших бед, потому что, только это осмысление позволит остановить развитие последствий, из этих причин произросших. Причем, осмыслить с тем же мужеством, как сделали то Н.Я. Данилевский в фундаментальном труде «Россия и Европа», и И.Л. Солоневич в «Народной монархии».

Вслед за славянофилами XIX века, и тот и другой говорили об особости исторического развития России, об особости указанного ей Господом пути. Для России, по Данилевскому и Солоневичу, слепое подражание западной цивилизации губительно. Ярким примером тому служит церковная реформа Царя Алексея и Патриарха Никона, а также государственная реформа Императора Петра I. Осмысление этих двух примеров позволяет понять простую истину: всякое искусственное навязывание России западного пути развития (как равно, и восточного) неизбежно приводит к катастрофе.

В подтверждение же настоящей позиции можно сказать, что чудовищный слом 1917 года был также обусловлен западническими реформами середины XVII века. Здесь Петр явился лишь логическим завершителем дел своего родителя. Государственная реформа Петра оттого осуществилась в России, потому что вся вторая половина предыдущего столетия прошла под вектором уклонения в западничество. К слову говоря, идея церковной реформы также не прижилась бы на русской почве, если бы правящие сословия не относились к европейской цивилизации, как к априори – высшей. То же самое – априори, являлось причиной возникновения ереси жидовствующих, в конце XV столетия, а накануне Смуты, из-за симпатий ко всему польскому со стороны бояр.

В этой связи уместно вспомнить причины гибели Константинополя – Второго Рима. Господь наказал Византию в 1204 году нашествием крестоносцев, за желание высшей знати заключить унию с Ватиканом. Лишь после долгих десятилетий собирания Михаил VIII Палеолог сумел отвоевать Константинополь у латинян. Но, как показали события, урок оказался не впрок. По инициативе именно Михаила VIII-го, в 1274 году Константинополь заключил с латинянами Лионскую унию. И, наверняка, гнев Божий принял бы еще более страшные формы, чем в 1204 году, если бы сын царя Михаила Андроник II не отменил на созванном им Поместном соборе деяния отца. Но, как ни печально, династия Палеологов закончила существование в результате другой унии, теперь уже Ферраро-Флорентийской (1438-45 гг.), в результате чего, гнев Божий все же пал на Второй Рим, после чего Константинополь не смог возродиться. Западничество греков окончилось для них четырехсотлетним турецким игом.

К концу XV века Московская Русь уже в достаточной степени окрепла, чтобы взять на себя роль Третьего Рима, а значит, и роль Удерживающего. С этой точки зрения, женитьба Великого Князя Иоанна III на Софье Палеолог было делом глубоко провиденциальным. Вместе с приданным будущая царица привезла не только драгоценности и чудотворные иконы, но и богатейшую библиотеку, благодаря которой Царь Иоанн IV смог разработать правовую основу для Нового Рима. Хотя, должно быть честными: пришедшая от Палеологов идеология Третьего Рима – Удерживающего, за тысячу лет существования претерпела немалые искажения. Характер этих искажений (в результате контактов с западом) проявился в деформации понимания роли Рима как

Удерживающего. Ибо, в западном понимании, Удерживающий, это не государство устроенное по Римскому образцу, как указывают на то свт. Иоанн Златоуст и Апостол Павел, но непосредственно Царь, Автократор – Самодержец. Собственно, еще в эпоху ересей монофелитства, а затем иконоборчества, подобного рода искажения ярко проявились в действиях императоров еретиков.

Подспудно, подобные искажения, как альтернатива абсолютизму, стали проявляться и в методах управления Византийских патриархов. Вспомним действия свт. Мефодия Константинопольского, утвердившего Чин «Торжества Православия». Родивший в глухие годы иконоборчества, и на себе познавший все прелести подчинения Церкви государством, он после провозглашения Чина «Торжества Православия», стал осуществлять церковное руководство чисто папистскими методами. Одним из его деяний явилась полная (стопроцентная) ротация не только архиереев Константинопольской Поместной Церкви, но и всего белого духовенства. Здесь видим, что свт. Мефодий проявил себя как абсолютный правитель, но только в церковной сфере.

Должно отметить, что Россия никогда не знала абсолютизма в западноевропейском понимании. Ей более приличествовали понятия, либо вечевого управления – как то было в Пскове и Великом Новгороде, либо династически-родового в Киеве, Владимире и Москве. В обоих случаях княжеская власть никогда не являлась абсолютной, а тем более тиранической. Княжеская деспотия на Руси являлась аналогом власти строго отца, но не как правителя тирана. Русский князь всегда держал совет с боярами, и не принимал важных для государства решений без их одобрения. Россия изначально шла своим путем, поэтому, необходимость принятия ею идеологии Третьего Рима (западной по происхождению) поставила ее перед непростым выбором. С одной стороны, Россия должна была принять новую идеологию, но с другой, она не должна была потерять свою самобытность. Простое копирование традиций, как Первого, так и Второго Рима, неминуемо привело бы Третий Рим к катастрофе. Россия никогда не принадлежала ни к европейской, ни к азиатской цивилизациям. По отношению к окружающим странам и народам, ее цивилизация являлась особой и изначально Русской.

Историк Н.Я. Данилевский, в своем труде «Россия и Европа», так обосновывает особость Русской цивилизации: «Принадлежит ли в этом смысле Россия к Европе? К сожалению или к удовольствию, к счастью или несчастью – **нет, не принадлежит** (выделено – А.С.). Она не питалась ни одним из тех корней, которыми всасывала Европа как благотворные, так и вредоносные соки непосредственно из почвы ею же разрушенного древнего мира, - не питалась и теми корнями, которые почерпали пищу из глубины германского духа. Не составляла она части возобновленной Римской империи Карла Великого, которая составляет как бы общий ствол, разделение которого образовало всё многоветвистое европейское дерево» (стр. 48-49).

Это утверждение известного философа дает ключ к пониманию славянства в европейском мире, где Русский путь развития, это не путь договорных обязательств, и не путь тиранического порабощения, но путь объединения народа в деле строительства цивилизации, основанной на понятиях свободы, совести и ценностей Евангелия. Русский путь, с этой точки зрения, не есть низший или высший, но, есть путь единственно правильный. Поэтому, вызывает недоумение позиция, когда приходится слышать, что Россия для европейского мира, не более чем ученица (привитый дичёк), которой просвещенная Европа должна передать свои безценные знания и традиции.

Николай Яковлевич Данилевский, на страницах «России и Европы», много раз, причем весьма резко, возражал подобной постановке вопроса: «Но если Россия, скажут нам, не принадлежит Европе по праву рождения, она принадлежит к ней по праву усыновления; она усвоила себе (или должна стараться усвоить) то, что выработала Европа; она сделалась (или по крайней мере, должна сделаться) участницею в ее трудах, в ее триумфах. Кто же ее усыновил? Мы что-то не видим родительских чувств Европы в ее отношениях к России...» (там же).

В связи с этим, на рубеже XV-XVI веков перед Русской Державой встала крайне сложная, и труднопреодолимая задача, принятия от Византии скипетра Удерживающего. Потому что необходимо было решать, либо Россия принимает Римскую эстафету номинально, продолжая по сути оставаться Великим княжеством, либо она должна создать свойственную только России идеологию, с тем, чтобы ассимилировав под себя Римскую идею, действительно этим Римом стать. К счастью для нас, в XVI столетии Господь воздвиг двух великих мужей, благодаря которым идеология Третьего Рима была создана и воплощена в реальность. Ими были свт. Макарий Московский и благоверный Царь Иоанн IV.

Благодаря Деяниям Стоглавого собора в России были заложены основы Римского государства. К концу жизни Первого Русского Помазанника здание Третьего Рима в целом было выстроено.

Можно сказать более: благодаря существованию Римских принципов Русский народ смог впоследствии одолеть Смуту и возродить Российское государство. Тем не менее, перед исследователем всегда всплывает вопрос: почему этот блестящий, и с великими трудами созданный проект, был завален сначала императором Петром I, потом социалистами 1917 года, а затем либералами начала 90-х годов прошлого века? Какие причины позволили обрушить отнюдь не на глиняных ногах стоящий колосс России? Попробуем вслед за Н.Я. Данилевским и И.Л. Солоневичем ответить на эти вопросы.

Книги таких наших современников, как Бориса Кутузова и Валерия Смирнова, называют главной причиной крушения России смену церковного обряда. В известной степени, эта позиция верна. Потому что смена обряда (совершившаяся у нас в подачи Ватикана) повлекла за собой и смену мировоззренческих установок в высших кругах власти. Ибо, если Царь Иоанн Грозный говорил, что «греки для нас не Евангелие, но мы от Апостола Андрея веру приняли», то после церковной реформы Русский народ во мгновение ока стал «привитым дичком» к великому древу греческого Православия. Житель Московии априори был переведен в сословие «подлого народа», при Петре I уже открыто декларируемого. Что же позволило произойти столь страшной обскурации, когда дело Первого Русского Помазанника было разрушено едва не до основания? У всякой беды есть свои скрытые причины, которые, по прохождении долгого пути созревания, при благоприятных условиях воплощаются в реальность.

Автору хотелось бы обозначить несколько таких причин, которые, со времен Иоанна Грозного привели уже к четвертой обскурации, к четвертому крушению Третьего Рима. И, которые, приведут (если не окажем противодействия) к обскурации пятой, навсегда похоронив идею Римского государства. Первой причиной является факт принятия как Церковью, так и Царством, о чем было сказано ранее, идеологии иосифлян. В связи с этим, автор не может согласиться с большей частью монархистов, совершенно необоснованно считающих доминантным, в деле государственного и церковного строительства, учение прп. Иосифа Волоцкого. Доминантным для Руси явилось направление прп. Сергия Радонежского, благодаря которому у нас появились такие понятия, как – «Россия – Дом Богородицы», а также – «Россия – подножие Престола Господня». Учение святого Сергия не предполагало доктринального воздействия на имеющих власть, но предполагало воздействовать на них светом Евангельской Истины. Авторитет святости (а не свой личный), был главенствующим для учеников прп. Сергия. Если говорить об иосифлянах, то основным для них стало, как раз следование доктрине, императивному учению, авторитету создателя учения, в конечном итоге – следование букве, а не духу. Ко всему, иосифляне изначально отличались повышенной политизированностью, стремлением к власти, что онтологически привело их к государственному и церковному управлению. Напротив, сторонники направления Сергия Радонежского (как ищущие «прежде Царствия Божия») не стремились к политической жизни, к управленчеству, а потому и оказались в тени.

Тем не менее, учение прп. Сергия являлось более приемлемым для России, так как, в отличие от иосифлян, не имело никаких уклонений к западной традиции. Оно было глубоко национальным, органически русским, светоносным и твердо Православным. Почему же столетием позже, мы свернули с этого светоносного пути и, взойдя на степень «усыновления», вновь приняли идеологию законнического рабства? Учение иосифлян предлагает, увы, именно такое рабство. Но, разве сын может стать рабом у отца своего? Как ни странно, именно это случилось с русским человеком в начале XVI века. Случилось еще не фактически, но, пока чисто духовно.

Все исследователи учения прп. Иосифа Волоцкого (и сторонники, и противники) сходятся на одном: мировоззрение, духовная направленность и образ действия иосифлян имеют большое сходство с католическим орденом монахов доминиканцев. Иные прямо говорят о том, что иосифляне, это наши русские доминиканцы, наши русские цистерциане. В этом, пожалуй, ключ к пониманию причин и Смутного времени, и церковного раскола, и причин того, почему попусшением Божиим Церковь на двести лет была лишена соборного управления. Вместе с иосифлянами пришел дух инквизиции, дух законнического регламента, дух плотского внешнего понимания духовных вопросов. Не случайно, в «Откровении» Иоанна Богослова, Господь, как если бы обращаясь напрямую к иосифлянам сказал: «И Ангелу Сардийской церкви напиши... ты носишь имя будто жив, но ты мертв... Впрочем у тебя в Сардисе есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих и будут ходить со Мною в белых одеждах» (Отк. 3; 1,4).

Если далее мы прочтем благословение, данное Богом Ангелу Филадельфийской церкви (направление Сергия Радонежского и Нила Сорского), то, это – небо и земля. Поэтому, не случайно, что и «Просветитель» Иосифа Волоцкого и составленный его последователями

«Домострой» поражают как мировоззренческой узостью, так и сниженным до степени обрядоведения духовным горизонтом. Невольно напрашивается аналогия учения иосифлян с иудаизмом, латинством и кальвинизмом. Позволю себе утверждение, что иосифлянство, есть ни что иное, как наш Православный «иудаизм». Хотя, предвижу возражения (и причем, немалые), в этом ключе, со стороны почитателей прп. Иосифа Волоцкого.

Обычно, возражения (как правило, со ссылкой на митр. Иоанна (Снычева) бывают того плана, что иосифляне разгромили ересь жидовствующих. У автора здесь тоже нет возражений, тем более, что инициаторами разгрома ересей выступали онтологически как раз представители Ангелов Эфесской и Сардийской церкви. Именно эфесяне и сардийцы всегда давали рекрутов для разгрома ересей. Второе возражение оппонентов апеллирует к аспекту «стяжания» иосифлян, ибо благодаря обширным сельскохозяйственным угодиям, оные имели средства для создания церковных школ, библиотек и дел благотворительности. Это возражение тоже является надуманным, так как и направление прп. Сергия предусматривает то же самое. Суть вопроса состоит не в том, что лучше – богатые монастыри, или бедные монастыри, а в том, что в конце XV века в России совершился цивилизационный поворот. На рубеже веков был взят курс, ни много ни мало, на смену цивилизации. И, если в плане государственном, поворот произошел к большей славе России, то в плане духовном, к ее умалению. В буквальном смысле, в «мехи новые» было влито старое ветхозаветное вино.

Ко всему, не лишним будет вспомнить, что духовная чуждость иосифлян филадельфийской (а значит – сущностно русской традиции) проявилась в борьбе их с такой неотъемлемой от славянской культуры традицией, как игра на гусях. Должно отметить, что гусяры, бояны, сказители не принадлежали к сословию актеров, в западном понимании, как, равно, их искусство не являлось фольклором. Гусяры, начиная с древних времен, являлись культурологическими водителями народа. В лице боянов и гусяров мы имели свое неповторимое святорусское благородное искусство. Слава Богу, что Царь Иоанн IV, Новый Давид, много поработавший в развитии псалмопевческой традиции, взял под защиту родственных ему по духу культурологических водителей.

С новой силой задача по истреблению национального искусства заработала через сто лет, на волне изменения церковного обряда и борьбы с расколом. По приказу властей, стрельцы ходили по городам и весям и, арестовывая гусяров (а заодно и раскольников), целыми возами доставляли гусли в областные центры, где их показательно сжигали. В начале XVIII столетия очередь дошла до древних летописей и памятников культуры. Их тоже (по приказу Петра I, а затем Бирона) свозили возами, якобы для снятия копий, но только, ни копий, ни оригиналов потом никто не увидел. В первой половине XX века жгли уже не гусли и не древние летописи, но храмы, иконы и богослужебные книги.

Вам это ничего не напоминает? Потому что, такими же методами вела борьбу с инакомыслием католическая и лютеранская инквизиция. Если обратимся к европейскому средневековью, то обнаружим те же самые костры из книг, и те же самые разрушения Православных храмов. Но, только наши храмы, наши книги, и наше искусство еретическими не были. Они, как раз были, что ни есть – богоугодными. Тогда вопрос: а зачем их надо было разрушать? И, кем тогда были разрушители? И, неужели до сих пор непонятно, что в конце XV века нам был навязан чуждый с точки зрения экклезиологии и сотериологии тип цивилизации. Именно отсюда, из этой чуждости, началось у нас стремление, с одной стороны к теократическому папизму, а с другой стороны, к такому же теократическому абсолютизму. В «новые мехи» Римской государственности нам влили «старое вино» ветхозаветного по духу иосифлянства.

Путь иосифлян, это путь либо иерократического Египта, либо теократического Израиля, которые могут существовать в неизменности тысячи лет, но, при этом не дают возможности для духовного развития. Иосифлянство есть путь духовного окаменения и духовного детерминизма. Если мы изучим библейскую и евангельскую истории, то обнаружим, что Бог, требуя от людей благочестия, всячески противился окаменению людей в этом благочестии. Но, именно дух фарисейского ветхозаветного окаменения и принесли с собой иосифляне. Уходящее в бесконечность внешнее доброделание свойственно отнюдь не Православным, но, протестантам, католикам и иудеям. По сути, протестантизм и католичество, есть две христианизированные модификации древнего иудаизма. А если быть точным – фарисейской и саддукейской его разновидностей. Поэтому, онтологически, иосифляне, победив иродиан-жидовствующих, ничего, кроме ценностей фарисейства России дать не могли. Если древние фарисеи, добивших изгнания ессеив-иродиан, в качестве позитивного опыта дали пример внешнего благочестия, так и

иосифляне предложили нам тот же примат внешнего делания. Даже молитва и аскетическая практика иосифлян коренным образом отличались от молитвы и аскетики филиладельфийцев.

Молитва русских фарисеев не простиралась далее психосоматической (душевно-телесной) степени. Их умное делание не поднимается далее молитвы естественной (деятельной), то есть опять-таки душевно-телесной. Молитва умно-сердечная, а тем более созерцательная, иосифлянам недоступна. Об этом феномене писал игумен Марк (Лозинский) в книге «Духовная жизнь мирянина и монаха по творениям и письмам еп. Игнатия (Брянчанинова)». И если в XVI веке шла борьба между двумя духовными школами, то в XVII столетии, опыт иосифлян, как более эксплорентный, вытеснил всякий другой тип молитвы. Отсюда, онтологически, «Духовный регламент» Феофана (Прокоповича) дал «зеленую улицу» именно такому типу молитвы и благочестия. Ничего другого у нас просто не осталось. Различия между «Духовным регламентом» и «Просветителем» состояли лишь в том, что если «Просветитель» был законническим трактатом, внутри которого (надо отдать должное) билась живая мысль, то «Регламент», являясь также законническим произведением, ничего кроме мертвого начетничества не предлагал. «Регламент» это конец «Просветителя». Это закономерный итог духовного выбора по западному, глубоко чуждого России пути.

Совершенно не случайно, после принятия «Духовного регламента» в 1721 году, в России были запрещены и скиты, и пустынножителство, а следовательно и старчество. Тут напрашивается явная аналогия. Также, как в XVI веке иосифляне разгромили «нестяжателей-заволжцев» (которые, по причине их политизации оказались вовсе не ангелами), так новообрядцы в XVII веке разгромили ревнителей древнего благочестия. Также в XVIII веке они разгромили и сторонников пустынножителства. А потому, после изгнания старцев и прекращения традиции «умного делания», Россия, по слову Ивана Солоневича, на сто лет превратилась в «публичный дом». Превратилась, не столько по причине политических нестроений, сколько по причине утраты духовенством паламистской традиции. Новое же наполнение организма России «Фаворским светом» стало совершаться только в благословенном XIX веке. Причем происходило это не благодаря, а вопреки, единственно как плод стяжания «духа мврна» сторонниками традиции преп. Сергия.

Впрочем, «Фаворская традиция» никогда не являлась для сардийцев родной. Они всегда относились к ней, как пишет игумен Марк (Лозинский), со сдержанной напряженностью. Подобная напряженность проявилось еще при жизни преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. Когда же у иосифлян появилась возможность разгромить «заволжцев», то они это со всей обязательностью сделали. В дальнейшем погромы только умножились. Касалось ли это гусяров, старообрядцев, старцев, пустынножителей... список можно продолжить. Причиной же таких разгромов явилась ошибочно принятая за доминанту законнически-моралистская идеология иосифлян.

В связи с этим хотелось бы вспомнить еще один разгром. Совершился он за год до Первой мировой войны, на Афоне. И, опять, инициаторами разгрома были – последовательный иосифлянин архиеп. Никон (Рождественский), и продолжатель традиции Прокоповича архиеп. Антоний (Храповицкий). Как видим, всегда враждующие между собою Сардис и Лаодикия, в борьбе с Ангелом Филадельфии объединились единым фронтом. С тем Ангелом, который только и мог дать Третьему Риму истинное духовное наполнение. И, несмотря на то, что митр. Макарий (Невский) в 1914 году доказал отсутствие в опыте имяславцев какой-либо ереси, выводы созданной им богословской комиссии, были скрыты от церковного народа. Скрыты, как законниками-иосифлянами, так и либералами-филаретовцами.

С позиций понимания тупиковости законничества, в деле церковного и государственного строительства, можно правильно осмыслить и неудачу опричного эксперимента. Опричнина была задумана Иоанном Грозным с целью создания новой элиты, посредством которой он хотел оздоровить прежнюю, переродившуюся и закосневшую аристократию. Через опричнину открывалась возможность представителям низших сословий переходить в высшие. Это давало здоровый стимул служащим Царю людям, не за страх, а за совесть работать на благо Отечества. В конечном итоге, верная служба опричника награждалась как восхождением по служебной лестнице, так и умножением материального благосостояния. Более того, планировалась постепенная замена опричниками всех ведущих должностей, как в столице, так и в областях. Но, по какой причине произошел сбой столь замечательного проекта?

Причин падения опричнины было несколько. Первая, и главная, состоит в факте клятвы «на личную верность» Царю. Есть основание полагать, что решение Иоанна Грозного связать опричников таковой клятвой, далось ему ценой многолетних размышлений и серьезных моральных мук. В конечном итоге, он принял решение (как игумен и духовник иноков-воинов) взять на себя их совесть и свободную волю. То есть, он отвечал в этом случае лично перед Богом (как то бывает в отношениях духовника и послушника), за любой неблагоприятный поступок опричника. Несмотря на то, что Господь говорит через Евангелие «Не клянись вовсе» (Мф. 5; 34), решение связать опричников клятвой личной верности было Царем принято.

Второй отрицательный аспект при создании опричнины состоял в том, что личная гвардия Царя принимала иноческий постриг с одновременным обрядом вокняжения. При этом, князья-иноки оставались семейными людьми. Согласно правилам Церкви, принявший иночество да не берет в руки оружие, а также, согласно 11-му Правилу Двукратного собора и 6-му Правилу Святых Апостолов, должен отвергаться мирских попечений. В обязанности же опричников, при их иноческом постриге, нести послушание воинов, тоже видится продолжение иосифлянкой (по духу латинской) традиции, потому что вспомним, что и орден доминикан был создан как церковно-полицейская структура, а орден иезуитов, был уже полностью военизированной монашеской организацией. Все это внесло, при создании опричнины, много несвойственных для Православия искусственностей, а потому этот орден и не явился жизнеспособным в плане историческом. Царь Иоанн Грозный со всей очевидностью это понял, а потому через семь лет после создания опричнины распустил ее.

Ко всему, к опричнине можно предъявить другую укоризну. Несмотря на то, что орден сей мыслился как путь для привлечения лучших сил народа, в нем очень быстро определился принцип кастовой элитарности. Элитарность делала его подобным олигархии, так как и для олигархии, и для кастовой аристократии верен один и тот же принцип: непроницаемая замкнутость элит. И кастовость и олигархизм, несмотря на противоположность этих понятий, одинаковы в том, что они делают невозможным создание социальных лифтов, а следовательно, создают чудовищное неравенство возможностей, что недопустимо в государстве Римского типа. Даже в Османской империи, простой янычар (инородец – немусульманин по рождению) мог дослужиться до степени паши, крупного военачальника. Кастовая, либо олигархическая система начисто отметала такую возможность. Поэтому, уместно задаться вопросом: стоило ли огород городить, и менять одних олигархов (т.е. – бояр) на новых. Царь Иоанн Грозный, внимательно наблюдавший за ходом эксперимента, увидел тенденцию подобного перерождения, а потому, опричный проект был до времени свернут.

Но, тем не менее, как ни странно, опричный принцип – создание новой элиты, заработал на полную мощь тремя столетиями позже. Когда произошло странное (а для России обыкновенное) дело. Когда созданный для закабаления народа «Табель о рангах», стал работать в качестве системы для оздоровления уже в немалой степени загнивающего дворянского сословия. И, в этом случае хочется спросить: «Не молитвами ли Царя Иоанна Грозного это совершилось?» Потому что такое оздоровление, есть дело естественное и необходимое для государства устроенного по Римскому образцу.

Аспект личной клятвы, как то было у опричников, еще не раз закладывал мины замедленного действия в истории России. Одной из таких мин, по мнению автора, является Соборный Обет 1613 года. По поводу Обета, первым вопросом будет наличие двух, очень сильно (даже по смыслу) отличающихся друг от друга текстов Клятвы. Причем, если взять всем известный и наиболее опубликованный текст, то он содержит ряд антиканоничных, и даже еретических моментов. Второй, менее известный текст, более благополучен, но и в нем содержится аспект личной клятвы, что создает для собора именуемого себя Поместным, непреодолимое противоречие. Потому что, в случае принятия таковой клятвы (а она, как известно, была принята), все соборяне подпадают под действие 20-го Правила Святых Апостолов, гласящего: «Кто из клира даст себя порукою за кого-либо, да будет извержен». А также Правила 94-го VI-го Вселенского собора: «Клянувшихся клятвами языческими правило епитимии подвергает: и мы таковым отлучение определяем».

На Земско-Поместном соборе 1613 года присутствовали не только миряне, но также, архиереи, священники и монахи. Но, и они, словно заколдованные, в нарушение 20-го Правила Святых Апостолов, поручились за себя, за народ, а также за потомков всего народа, на верность Дому Романовых, до Страшного Суда. Не по этой ли причине, спустя столетие, Церковь в России утратила и соборное управление, и единоначалие, до самого конца существования Династии Романовых? Более того, члены Священного Синода обязаны были в течение двухсот лет давать

такую же клятву личной верности Государю Императору. Получается, что священство в 1613 году, поручившись за тех, кто еще не родился, само себя извергло, и само себя наказало, в согласии с указанным выше правилом.

В этом плане было бы полезно проследить, сколько раз за четыре столетия нами нарушался указанный Обет.

Со стороны народа: В XVII веке – в связи с церковной реформой Царя Алексея и Патриарха Никона. В XVIII столетии – в связи с государственной реформой Петра I. Тогда же, по отношению к Анне Иоанновне, в связи с бироновщиной. Во второй половине того же столетия, по окраинам, в связи с восстанием Пугачева, Яицкого и Волжского казачества, а также Запорожского казачества. Со стороны дворянства – убийство Императора Павла I, и подготовленное масонами восстание декабристов в 1825 году. Со стороны разночинцев – создание экстремистских революционных групп, что привело к убийству Императора Александра II, и закончилось революциями 1905 и 1917 годов. Снова, со стороны народа – участие в указанных революциях, поддержка богоборческой власти в советское время. И, далее, в наши дни – безразличное отношение к искупительному подвигу Царской Семьи, к теме Монархии, с отрицательным отношением значительной части населения к царской теме.

Со стороны Дома Романовых: Противостояние клана Милославских клану Нарышкиных, что привело к трем стрелецким бунтам, и устранению от управления обоих кланов. Участие в заговоре против Петра I, его Наследника Алексея Петровича Романова. Убийство Наследника, по приказу самого Императора. Узурпация власти Анной Иоанновной, с последующим заточением Императрицы Анны Леопольдовны и ее сына Иоанна VI. Узурпация власти Императрицей Екатериной II, с умерщвлением своего мужа Императора Петра III. Участие Наследника Престола Александра Павловича в заговоре против своего отца Императора Павла I. Разделение Дома Романовых, во второй половине XIX века на внутренние кланы, что привело к участию, как минимум пяти семей (под другим данным – 17 человек) Царствующего Дома, в заговоре против Помазанника Божия в 1917 году.

Как видим, картина вырисовывается очень печальная. Соборный Обет, данный нами до Второго Пришествия, нарушался многократно, как простым народом, так средними и высшими сословиями, так и самими членами Царского Дома. В этой связи уместно будет задать вопрос: Зачем нужен такой обет, который постоянно и повсеместно нарушается всеми без исключения сословиями, и всем, за малым исключением, народом? Не лучше ли нам последовать примеру московского люда, который в 1607 году был разрешен Патриархами Иовом и Гермогеном от крестоцелования Лжедмитрию? По мнению автора, разрешение народа от Соборного Обета 1613 года не только желательно, но необходимо, потому что освободит его от того проклятия, которое он навлек на себя многократным нарушением этого Обета. Сказано Господом: «Не клянись вовсе».

Безпристрастное изучение российской истории позволяет с большой уверенностью сказать, что все наши смуты и нестроения являются следствием принятия нашими пращурами ошибочных цивилизационных решений. Вопрос о цивилизационном выборе всегда интересовал русских историков и философов, независимо от их принадлежности к той или иной партии. Наверняка, в Европе, совершенно немыслимой была бы ситуация разделения просвещенных сословий на русофобов и русофилов. Там были разделения по признаку религиозному, а также разделения на сторонников традиционных национальных ценностей и сторонников космополитизма. Но, разделения на западников и славянофилов там в принципе не могло быть. Николай Данилевский не случайно в преамбуле книги «Россия и Европа» разместил такое стихотворение: «Мы слышим клеветы, мы знаем оскорбления, тысячеглавой лжи газет. Измены, зависти и страха порождения. Друзей у нашей Руси нет!»

Наши недрузья всегда старались нас сделать своей колонией, вотчиной, в лучшем случае – сателлитом, в конечном итоге, стремились навязать свой путь духовного, государственного и национального развития, не понимая того, что Россия, это особый мир, который не надо переделывать по своему образу и подобию, но который, напротив, может сказать что-то важное умирающей Западной цивилизации. Который может воскресить их – мертвых духом. Ибо, общеизвестно, что только живое может оживить мертвое, и только от живого рождается жизнь. От мертвого живое родиться не может. Но, именно это – мертвое, пришло в Россию вместе с иосифлянами (Ангел Сардийской церкви), исказив саму суть христианского домостроительства и подменив его дух, с новозаветного на ветхозаветный. Когда понятие совести стало заменяться понятием долга. Жертвенное служение было подменено бездумным послушанием. Жизнь по

Евангелию стало подменяться жизнью по уставу. Но, зададим себе вопрос: можно ли с таким пакетом подмен пытаться построить новую Россию и новую Русскую государственность?.. По всей очевидности, нет. Потому что, живое всегда рождается от живого. Живое от мертвого родиться не. Как уже было сказано выше – иосифляне это «соль земли». Да соль необходима, она препятствует гниению, но, если осолить землю выше всякой меры, то пейзаж солончаков мало чем будет отличаться от лунного ландшафта. В другую же крайность Россия впала в XVIII веке, когда она зашла в жесточайший тупик, теперь по причине отвержения от этой евангельской «соли». Выход из тупика, а если быть точным, из смертельного штопора, совершился тогда не благодаря естественным причинам, но по причине исключительно Божьего милосердия. И как это всегда бывало в Русской истории, причина выхода из тупика носила не политический, но духовный характер. Россию вновь спас религиозный фактор.

В этой связи было бы уместным привести высказывания Л.А. Тихомирова и И.А. Ильина, которые об этом факторе как раз и говорят. Лев Тихомиров, в книге «Апология веры и монархии», в статье «Государственность и религия», указывает на значимость духовности, как важнейшего аспекта, в деле государственного строительства. По Л.А. Тихомирову: «Жить должно по “правде”, и везде вокруг себя должно поддерживать эту “правду”. Но христианин очень хорошо знает, что достижение правды *здесь* возможно лишь очень относительно – по причине силы зла, греха во всех людях и в каждом из нас. Поэтому христианин вовсе не революционер.

Христианин знает, что общие формы жизни созданы Богом применительно к природе человека, а потому ломать законы социальной жизни он не станет. Улучшать же общественную жизнь христианин всегда готов – по своей обязанности и личной потребности поддерживать и умножать господство правды.

Поэтому-то христианин как гражданин отличается с государственной точки зрения наилучшими качествами. Он служит не за страх, а за совесть, служит «делу», а не лицам, ищет счастья и блага настоящих живых людей, а не отвлеченностей, как «человечество». Он, наконец, думает не о количественном величии работы, а о ее качественном совершенстве и потому не тянется непременно на верхи правления, к первым громким ролям... С государственной точки зрения именно такой тип и нужен для здоровой жизни общества и государства».

На тех же позициях стоял Иван Александрович Ильин, когда в «Наших задачах», в статье далекой от тематики государственного строительства, он высказывает важные положения для самостояния вообще всей Русской цивилизации: «Русским людям надеяться не на кого, кроме Бога и своих собственных сил. Но чтобы найти в самом себе необходимые для борьбы силы и умения, необходимо отчаяться во всем и во всех, кроме Господа; необходимо восстановить свою религиозную веру, как таинственный и живой ключ духовной жизни... Этот процесс возвращения к вере и молитве давно уже начался в России: против абсолютного зла, против неизбывного страха, против беспомощного отчаяния есть только одна единственная абсолютная опора – искренняя и цельная религиозность, несущая с собою силу молитвы и силу покаянного очищения. Это надо понять и прочувствовать до конца. Нечего браться за освобождение и восстановление России **без совести**; а совесть живет только в искренней и цельной душе, где она звучит как **голос Божий**... Надо смыть в душе безчестие прошлых лет и вновь поверить в свою собственную непоколебимую честь и полную честность, чтобы восстановить доверие самому себе и научиться узнавать людей заслуживающих доверия; а это возможно только перед лицом и судом Божиим. После всего пережитого и выстраданного надо искать и найти путь к Богу. Пути безбожия, безсовестности, безчестия и дьявольской лжи исхожены и изведаны: они обличены и оказались погибельными. Необходимо глубокое обновление душ... И вряд ли мы ошибемся, если скажем, что смысл происходящего в России и состоит в конечном счете в этом прикровенном, тайном возвращении к вере и молитве» («Когда же возродится великая русская поэзия?»).

Эти слова великого философа можно принять как руководство к действию. Ибо, мы уже достаточно, за последние столетия прошли путей «безсовестности, безчестия и дьявольской лжи». Российская цивилизация всегда строилась на основаниях Евангелия, совести и свободы. Если вынуть из под нее эти три главных основания, Россия погибнет. Русский народ не может жить руководствуясь только Синайским кодексом, Римским правом, или Аугсбургским исповеданием. Внешнее делание не для русской души. Для русского человека всегда был необходим «Кодекс чести». Доброделание русского человека являлось следствием глубинных движений его сердца. Господь показал нам, насколько пагубно уклоняться во внешнее делание, потому что внешнее может совершаться без участия сердца, как то было у фарисеев. Насколько пагубно монахам заниматься несвойственным для них делом – политическим сыском и инквизицией. Потому что и

это приводит к совестным повреждениям. Насколько пагубно давать клятву личной верности, ибо таковая клятва связывает и повреждает нашу совесть. Не случайно, Христос не принимал от Апостолов никаких клятв. Нам нужно понять, насколько пагубно ручаться за тех, кто еще не родился, и чьи дела и мысли не ведомы нам. Выход из этой ситуации может быть один. Нам всем надо принести Соборное Покаяние. Причем, не только за 1917 год, но за все прошедшие пять столетий. Принести покаяние за богоотступничество и цареотступничество, за имяборчество (события на Афоне в 1913 г.) и собороборчество, за церковный раскол, за анафемы на ревнителее древлего благочествия, за личную клятву на Соборе 1613 года, за принятие учения иосифлян, как доминантного. А в конечном итоге, получить разрешение от всех заблуждений и неправых дел. Получить разрешение от Клятвы Соборного Обета 1613 года, совершенно опрометчиво данной за нас нашими пращурами. Ибо, лишь в этом случае, после честного покаянного признания ошибок, мы сможем наконец начать строительство новой Великой России. И самое важное: сможем, после долгого законнического рабства, и – рабства греху, вновь, подобно евангельскому «блудному сыну», возвратиться к Отцу Небесному.

IV

Обращаясь вновь к тематике цивилизационного выбора, должно поставить акцент на том, что теократия и теология в отношении друг друга являются сущностными антагонистами. Они органически несовместимы и несовместимость их состоит в том, что теократия предусматривает во всех областях абсолютистское управление, а теология предусматривает главенство соборности. Поэтому, неудивительно, что возросшие из идеи теократии иудео-магометанские принципы, предусматривают примат единоначалия, а принципы арийского (или – теологического) управления, при наличии того же единоначалия, предусматривают участие всего народа в жизни Церкви и государства. Боговластие в новозаветные времена осуществляется не напрямую – теократически, как в Израиле, но посредством Римской государственности. Христос управляет подвластными Ему народами через Церковь и Римское государство. **В этом и заключается суть теократии (боговластия) новозаветной эпохи.**

Ко всему, необходимо отметить, что Римская государственность (как, впрочем, и любая другая) не призвана к созданию Царства Небесного на земле. Назначение Рима, как богоустановленного государства, состоит: 1) в создании условий для жизни Церкви как соборного организма, помогая открыть ее истинное назначение – быть Церковью воинствующей со грехом, 2) в создании справедливых законов, позволяющих обществу свободно (в духе любви и истины) развиваться, 3) в исполнении роли Удерживающего от зла, то есть, быть реальным противодействием тому *духу антихриста*, о котором писал Апостол: «что он придет и теперь есть уже в мире» (1-е Ин. 4; 3). Римская государственность (если говорить о новозаветных реалиях) есть лишь средство, для создания максимальных условий в деле спасения верующих во Христа. Оно есть лишь средство противодействия антихристу.

Отгалкиваясь от указанного выше положения, становится понятным, что папизм и абсолютизм не являются чем-то лучшим или худшим в отношении друг к другу, но являются обозначением одного и того же явления, одной и той же палки о двух концах, и имя этой палки – теократия ложная. Если же рассмотреть в онтогенезе историческое развитие этой вредоносной идеологии, то обнаружится, как минимум со времени ереси монофелитства, и тем более, со времени католического раскола, что эта идеология, развиваясь в истории, нанесла христианскому миру непоправимый вред. Более того, вред этот будет только усиливаться, потому что итогом развития теократической идеи явится установление царства антихриста. Правление антихриста будет именно теократическим, и сам ложный мессия будет помазан на царство как теократический правитель.

В этой связи, если мы на самом деле, а не мечтательно желаем построить новое Царство, то нам необходимо с порога отвергнуть (ибо, второй и третьей попыток не будет) ветхозаветную идею теократии, и взята на вооружение принципы теологического, то есть – Римского устройства государства. Принципы эти даны нам в достаточной степени Евангелием и разъяснены святыми отцами. И, этот выбор, нам в последние времена, со всей необходимостью надо сделать, потому что между теократией и теологией существуют кардинальные, и никак не сочетающиеся между собой различия. Самих же различий только два, но они носят кардинальный характер. Первое состоит в том, что теократия основана на подчинении закону, а следовательно, теократическое сознание, это неизбежно законническое сознание. Суть второго заключается в том, что теология основана на любви к Богу, а не на страхе перед Ним. Теологическое сознание, это жертвенное

сознание, а следовательно, служение Богу здесь исходит не от страха, но от любви и жертвенности.

Для того же, чтобы не оставалось никаких иллюзий по поводу возможности устройства ныне теократического государства, необходимо сравнить типологию арийского (или – Римского) государства с типологией государства иудео-магометанского. Различные типы государственности связаны и с различными типами мышления. Тип и метод мышления арийцев (а именно таким является метод святых отцов) предусматривает, во-первых рассуждение, во-вторых – понятийное осмысление вопросов бытия. Напротив, метод иудео-магометанский предусматривает оперирование готовыми установками, в соединении их со знанием множества (опять-таки, готовых) правил, предписаний и авторитетных мнений. Иудео-магометанин, в отличие от потомков Иафета, никогда не мыслит в духе свободы и Истины, потому что его сознание находится в детерминированной зависимости от исповедуемого им учения. От этого же зависят и традиции иудео-магометан, и тип общественного устройства, а следовательно – тип государственности, и более того, сама форма цивилизации.

Уже одно это рассуждение показывает на объективное существование различных цивилизаций, и соответствующее этим цивилизациям видов государственных управлений. Количество видов цивилизаций невелико. Официальная наука указывает на семь основных типов. Некоторые ученые доводят это число до девяти. Но, при этом, только три типа можно обозначить как логические, или системообразующие. Системообразование это разделяется соответственно по трем типам логики: 1) теологическая (или арийская), 2) иудео-магометанская, 3) конфуцианская. При этом, от сползания в мифологический тип (Египет и Индия), на котором системообразование заканчивается, ни одна цивилизация не застрахована. Причем, важно отметить, что мифология здесь не является самостоятельным образованием, но всегда дочерним, отходящим от того или иного вида логики. Нас же, в данном случае интересует не мифология, но теологический (или арийский, изначально - иафетический) тип государственности.

Государства потомков Иафета, во все времена строились по одному и тому же принципу. На примере Древней Индии это выглядело так: наверху пирамиды – брахманы, жрецы; ниже – раджи, правители; еще ниже – кшатрии, воинская аристократия; в основании находилось сословие вайшья, состоящие из крестьян, ремесленников, купцов; к сословию шудра принадлежали все остальные. Аналогичные принципы утвердились затем и в иранских государствах, например в Персии. Тот же самый принцип существовал и у древних славян, который перешел к их прилежным ученикам эллинам. Политическое устройство эллинских государств являлось едва не калькой политического устройства древних Индии и Персии. Наверху находился монарх с царским домом, ниже – аристократия, внизу – демос, народ живущий в городах. Именно такое, разделенное на три политии государство унаследовала и Римская империя. Вышеприведенная схема названа впоследствии полибиевой, от имени римского историка Полибия (II век до Р.Х.), грека по происхождению, но в первооснове является арийской. Именно эта, полибиева схема, арийская (или – иафетическая) по корням, была взята на вооружение и христианами Царями, начиная еще со времен Константина Великого. Обогащению и развитию эта схема подверглась в годы правления Юстиниана Великого, которого по праву считают создателем идеологии «Симфонии властей». Именно Юстинианова схема (в истоке – полибиева, в первоистоке – арийская) была взята, и также обогащена и развита благоверным Царем Иоанном Грозным.

Таким образом, видим, что в государстве созданном по Римскому образцу, которое и сформировалось в России во всей полноте, благодаря деяниям Царя Иоанна IV, существует четыре, находящиеся в плотном взаимодействии друг с другом вида власти. Первая принадлежит власти духовной. Следующей, равной ей по степени, является Царская власть. Власть аристократии выражала в России Боярская Дума. Представительной властью народа являлось Земство. Таким образом, на примере России видим, что арийские принципы, в соединении с принципами христианскими, давали на выходе Самодержавное народоправство. Явление, по большому счету уникальное в мировой истории.

Если обратиться к примеру государств созданных потомками Иафета, начиная еще со времен Древней Индии, то со всей очевидностью обнаружим три главных аспекта. Первый аспект заключен в отсутствии тоталитарного управления. Второй, в широко развитом общинном, общественном (в церковном понимании – соборном) управлении. Суть третьего аспекта состоит в глубоком развитии (речь идет сугубо о государстве Римском) права корпоративного. Именно благодаря развитию общинности, общественного управления и корпоративного права, в Европе, до победы буржуазных революций, существование цеховых, промысловых, купеческих и прочих

корпораций и артелей, было обусловлено государственным устройством европейских государств. Аналогичным образом происходило и в России вплоть до 1917 года, где даже крепостное крестьянство (в отличие от советского колхозника), находясь в подчинении у барина, управлялось общинно. Именно об этих главных аспектах, в деле возрождения государства Российского, писал Иван Александрович Ильин в статье «Что есть государство – корпорация или учреждение?», подчеркивая характер будущей России, как арийского государства, ничего впрочем об арийстве не говоря. Хотя, выводы о том, что великий русский мыслитель имел ввиду именно такой аспект, лежит на поверхности.

Если говорить современным языком, то христианство, во время правления Царя Константина Великого, органично наложилось на формат и «Windows» цивилизации Римской, потому что эта цивилизация, с ее государственным и общественным устройством, с ее культурой и религиозным мировосприятием, была готова христианство принять. Готовность эта состояла также в том, что принципы государственности Римской являлись изначально арийскими. Из арийских принципов органично выросли и утвердились, и арийская (направленная к небу) культура, и общественный уклад жизни, в основании которого лежит соборность, и одухотворенное отношение к природе, и как итог – арийская государственность. Поэтому, неудивительно, что именно в формате Римской цивилизации, и на ее основе смогла вызреть государственность христианская. Цивилизация Рима, если сравнить дело построения христианской государственности с процессом иконописания, была той доской, тем грунтом и тем левкасом, на которой икона христианского царства и была написана. Господь, в течение тысячелетий готовил Римскую цивилизацию, а следовательно вел народы, которые исторически создали ее, для того, чтобы на ее основе, на ее почве, в ее формате, христианство сумело бы утвердиться, произрасти, и создать свою государственность. Для столь великой задачи не годились ни Египет, ни Персия, ни Ассирия, ни Индия, и не Китай. Лишь только формат Рима, после демонтажа языческих верований, смог воспринять христианство как единственное природное ему.

Для того чтобы понять, какой тип государственности более всего подходит Православному Самодержавию, уместно привести евангельскую «Притчу о сеятеле». Эта Притча гласит, что когда вышел сеятель сеять, то (семя): *«иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали его... иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро возошло... когда же возошло солнце, увяло... иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод; одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать»* (Мф. 13; 4-8).

«Притча о сеятеле» указывает на различные типы государственности, где деспотия Вавилона, а равно Китая, подобна почве при дороге. Семя упавшее при дороге не только поклюют птицы, но также затопчут проходящие по тракту люди и скот. Семя упавшее на каменистую почву идеально соответствует государственности ветхозаветного Израиля, а впоследствии государствам исповедующим ислам. Карфаген, а также предшествующие ему Тир и Сидон, есть ни что иное, как – терние, где семя прорасти не может, так как будет неизбежно забито чертополохом сатанинских культов, партийного парламентаризма и власти мамоны. Кстати, полярные друг ко другу – иерократический кастовый Египет и кастовая мифологическая Индия, также являются тем самым тернием, препятствующим прорастанию семени Слова. В этой связи, только почва, или говоря современным языком – формат и «Windows» Римской государственности способны принести плод «один во сто крат, другой в шестьдесят, третий в тридцать».

Должно добавить, что формат и «Windows» иудейской цивилизации воспринял христианство как вирус, как нечто враждебное себе. То же самое происходило потом на конфуцианском Востоке, а позднее, на Востоке магометанском. Во всех случаях, это была чуждая для христианства почва, чуждые «Windows» и формат. И когда церковные историки указывают нам на факты многократных гонений со стороны языческого Рима на христиан, то справедливости ради должно сказать, что провоцировали кесарей на эти гонения как раз враждебные христианству иудеи. Что, собственно не удивляет, ибо христианство и иудаизм, после прихода Спасителя, уже не могут иметь никаких общих точек соприкосновения.

Как свидетельствует исторический опыт, в государствах устроенных по арийскому (т.е. – теологическому) принципу, тирания и деспотия рассматривалась как аномалия. Нормой считалось органическое взаимодействие всех сословий (сословий) во властной пирамиде. В таком государстве все сословия имели свои права и обязанности, все сословия были заинтересованы в общем благе. Отсюда неудивительно, что именно из арийского, теологически устроенного государства выросло государство Римское, которое святыми отцами именуется Удерживающим. При этом, понятие Удерживающий, с римских позиций, серьезным образом отличается от того же

понятия с позиций иудео-магометанских. Ибо, Удерживающий, как иудео-магометан, так и конфуциан (равно и вавилонской деспотии), связан с властью самого монарха и учрежденных им силовых структур. Удерживающий в теократическом, либо деспотическом государстве, является, прежде всего, сам царь. Отсюда, не приходится удивляться, почему главным принципом власти в таком государстве является силовое принуждение. Именно этим государство Римское отличается от восточных деспотий, так как главным принципом в нем является свободное служение граждан, в деле достижения общего блага.

Если вернуться к древним временам, то причиной, отчего потомки Иафета покинули Месопотамию, явилось начало строительства вавилонской башни. Созданное хамитами государство кардинально противоречило мировоззрению иафетян, отчего они были вынуждены покинуть Междуречье. Впоследствии, потомки Иафета создали свои цивилизации, но эти цивилизации коренным образом отличались от цивилизаций созданных потомками вавилонских строителей. В этом ключе Римское государство есть квинтэссенция и итог иафетического направления развития истории. Именно в этом состоит основное отличие монархии Римской – теологической, от теократической иудео-магометанской монархии. Равным образом и от неограниченной монархии конфуциан.

Если обратиться к истокам утверждения идеологии теократии в христианском мире, к периоду ее полной кристаллизации, то должно указать, как на переломный, на VII век по Р.Х., когда произошло распространение ереси *единоволгия*, или – монофелитства. Именно этой ересью была заложена база в создании ересей теократического типа. Именно из этого корня выросла впоследствии химера властного монофелитства. И уж затем, со всей неизбежностью, из тела монофелитской ереси, как из тела дракона, выросли поочередно головы церковного папизма и царского абсолютизма. А потому, впоследствии, с той же неизбежностью (на Западе это надо связывать с правлением английского короля Генриха VIII, а в России с правлением Петра I), из монофелитского тела дракона выросла и глава царебожия. Та самая глава, из которой, в подобие рога апокалиптического зверя, вырастет и грядущий антихрист. В этом плане, не сама теократия (о которой мы не можем говорить, как о ложной идее, ибо она была нужна в определенный исторический период), но – неприменимая в новозаветные времена теократическая идеология, **есть идея глубинно антихристовая**. Более того, она есть корень и кощеева игла наступившего уже апокалипсиса.

Как уже говорилось выше об истории возникновения теократии, то, с появлением в Израиле царя, теократия в чистом виде для этого народа закончилась. Закончился период, о котором писал Апостол: *«А мы знаем, что закон добр, если кто законно употребляет его»*. Но, как только в Израиле появился Царь, то вместе с тем появился и аппарат принуждения, согласно которому *«закон положен не для праведника, но для беззаконных и непокорных, нечестивых и грешников...»* (1-е Тим. I; 8, 9).

По большому счету, тоже самое стало происходить и в христианском мире, когда народ начал отходить от принципов жизни по Евангелию. Именно этот факт явился главной причиной, отчего теологический Апостольский период сменился монархическим. Потому что, в лице Римского государства Церковь получила не только внешнюю ограду, но и аппарат принуждения к благочестию. Ту же самую роль (а не только вероучительную) стали играть Вселенские и Поместные Соборы. Как видим, христианская государственность здесь дается Богом, не как высшее благо (будь то Израиль, или Рим), но как необходимая мера для поддержания должного уровня благочестия в обществе. Дается, как необходимая мера, для утверждения и сохранения в обществе евангельских принципов. Поэтому, не стоит удивляться тому, что подвижки в сторону ветхозаветных принципов происходят в государстве тогда, когда на первое место выходит Закон.

Равновесие здесь может быть достигнуто лишь в том случае, если государство будет устроено по теологическим принципам, как то выражено в формуле свт. Филарета (Дроздова) – *«Православие, Самодержавие, Народность»*. При условии, если духовность будет развиваться в том направлении, как указал нам прп. Сергий Радонежский, а также в таком типе государственного устройства, который создал своими трудами Царь Иоанн Грозный. Ибо, благодаря этим условиям будет возможным, во-первых – застраховаться от опасного сползания к чуждой для Рима теократии, а во-вторых – создать условия для развития теологических (изначально арийских) принципов жизни и бытия. Эти принципы во всей полноте отражены в Евангелии, жизнь по которому только и делает нас свободными. Не случайно, открывая Евангельскую эру, Господь сказал: *«Я уже не называю вас рабами... Я назвал вас друзьями... Вы друзья Мои»* (Ин. 15; 14, 15).

В завершение настоящей статьи хотелось бы пожелать: да не обманут нас нигде и никак нынешние «царебожники», с их якобы борьбой с папизмом. Потому что, и папизм, и абсолютизм, и царебожие, есть ни что иное, как три главы одного и того же дракона, три способа порабощения человека. А потому, нужно не думать – что лучше: первое, второе или третье, но взявши меч Слова Божьего, решительно рубить все три головы. Надо рубить само тело властного монофелитства, из которого эти головы произрастают. Более того, надо пронзить сердце дракона, исполненное черным ядом идеи псевдотеократии. Надо сломать кончик кощеевой иглы, энергетически эту идею питающей. И, тогда победим! Сие тако, да буди, буди!

Сороковиков Александр.

Февраль – апрель, ноябрь 2017 г.

<https://www.youtube.com/watch?v=qjVuUVh5hoU>